

Litera

Правильная ссылка на статью:

Бугров А.Ю. Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Litera. 2025. № 12. С. 116-131. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.12.77340 EDN: YGHJZI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77340

Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы

Бугров Артём Юрьевич

ORCID: 0009-0006-6267-2517

преподаватель; факультет Журналистика ИГСУ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
аспирант; институт журналистики и медиаиндустрий; Российский государственный гуманитарный университет
Ведущий специалист; центр ДПО ИГСУ; ФГБОУ ВО РАНХиГС

125627, Россия, г. Москва, р-н Куркино, ул. Соколово-Мещерская, д. 36, кв. 17

✉ Ist0r1kk@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.12.77340

EDN:

YGHJZI

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2025

Дата публикации:

05-01-2026

Аннотация: Настоящее исследование посвящено анализу рецепции амнистии декабристов 1856 года в британской прессе в контексте геополитических последствий Крымской войны и начавшегося пересмотра международного положения Российской империи. В центре внимания находятся представления британских газет о характере политического курса Александра II и о значении амнистии как символического шага, отражающего переход от репрессивной политики николаевской эпохи к более гибкой модели самодержавного правления. Особое внимание уделяется тому, как амнистия декабристов интерпретировалась британской прессой как индикатор внутренних трансформаций в России, затрагивающих сферу гражданских свобод, отношения

государства к оппозиционным элитам и готовность режима к частичным уступкам либеральным ожиданиям. Исследование рассматривает амнистию не только как акт милости, но и как важный элемент международно-политического и информационного позиционирования Российской империи на европейской арене. Методологическая основа исследования включает сравнительно-исторический и дискурс-анализ, применённые к материалам британской ("The Guardian", "The Times", "Daily News") и российской периодики («Московские Ведомости», «Санкт-Петербургские Ведомости»), с систематизацией упоминаний амнистии и коронации Александра II, выявлением ключевых смысловых оппозиций и контекстуальных факторов. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении амнистии декабристов как медийного и политического события одновременно, через призму сопоставления британских и российских газетных нарративов. Впервые на основе систематизированного корпуса публикаций 1856–1858 годов демонстрируется, что британская пресса трактовала амнистию как амбивалентный жест: с одной стороны, как триумф либеральных идей и символ отхода от репрессивности николаевского режима, с другой – как неполную меру, усугубляющую социальную маргинализацию декабристов из-за невозвращения конфискованного имущества. Российская пресса, ограниченная цензурой, выстраивала образ амнистии как шага к национальному примирению и будущим реформам, осторожно намекая на необходимость более глубоких преобразований. Показано, что обе интерпретации, при всей их различности, конвергируют в признании высокой исторической значимости амнистии для трансформации образа России внутри страны и в глазах Европы, а также для переосмысления соотношения между властью и обществом в начале правления Александра II.

Ключевые слова:

восстание декабристов, Амнистия декабристов, коронационный манифест, британская пресса, Крымская война, Александр II, Николай I, Рисорджименто, The Times, Великие реформы

Введение

В историческом пути Российской империи восстание 14 декабря 1825 года представляет собой точку невозврата. Эта попытка установления конституционного порядка и ликвидации крепостничества, несмотря на ее военно-политический крах, стала мощным катализатором общественной рефлексии о необходимости коренных преобразований. Само возвращение уцелевших участников движения из сибирской ссылки в середине 1850-х годов, благодаря акту высочайшей милости, воспринималось современниками как предвестие грядущих социально-политических сдвигов. Настроения, сопутствовавшие этой амнистии в прессе Российской империи, детально реконструированы в исследовании А. Г. Готовцевой, проанализировавшей отклики в отечественной периодике и эволюцию общественного сознания: «"Словом милости как божьей благодатью": амнистия декабристам в российской периодической печати и общественном сознании» [См.: Готовцева, 2016].

Предпосылки и долгосрочные последствия декабристского выступления стали предметом фундаментального анализа в работах О. И. Киянской: «Декабристы в отечественной истории и историографии: полемические заметки» [См.: Киянская, 2016], «Декабристы и народ: к постановке проблемы» [См.: Киянская, 2019] и «Империя упущенных возможностей. К истории общественных настроений в России конца 1810 – начала 1820-

х годов» [См.: Киянская, 2020], раскрывают комплекс факторов, обусловивших неудачу движения, и исследуют его трансформацию в символ сопротивления. Философские и идейные основания декабристского движения, его связь с западноевропейской политической мыслью рассмотрены А. Е. Седовым в статье «Политические взгляды декабристов» [См.: Седов, 2025], где автор анализирует влияние концепций гражданственности и конституционализма на программные документы тайных обществ. Политическую эволюцию декабристской идеологии в контексте крепостного вопроса и социальных преобразований исследует И. И. Царьков в работе «Политическая история России XIX в.: декабристы и крепостное право» [См.: Царьков, 2020], демонстрируя, как радикальные идеи 1825 года предвосхитили последующие реформы. Важнейшим государственным актом, ознаменовавшим смену эпох, стал Коронационный манифест Александра II. Его текст, структура и заложенные в нём социальные интенции подверглись скрупулёзному источниковедческому разбору в работе Н. Н. Виноградовой «Коронационный манифест Александра II: документ и исторический источник» [См.: Виноградова, 2015], подчеркивающей значение документа как программы будущих реформ.

Международное измерение влияния декабризма на последующие реформы в империи рассматривается, в частности, в обобщающем труде "Russia in the Nineteenth century" [См.: Polunov, 2005], адресованном зарубежной аудитории. Философские и идейные основания движения, их связь с концепцией гражданской нации, проанализированы С. Рабов-Эдлинг в статье "The Decembrists and the Concept of a Civic Nation" [См.: Rabow-Edling, 2007]. Эволюцию радикальной оппозиции от декабристов к народникам и её историческое наследие проследил П. Гуциомитрос в работе "From the decembrists to the narodniks: the radical opposition in the Russian empire and its legacy" [См.: Goutziomitros, 2018]. Специфика восприятия декабристского восстания в американской и британской прессе 1820-х годов раскрыта в исследовании А. С. Панова «Восстание декабристов в репрезентациях американских современников» [См.: Панов, 2019], где автор выявляет особенности трансатлантического медийного дискурса о российских политических событиях и демонстрирует, как западная пресса конструировала образ декабристов для своей читательской аудитории.

Проблематика репрезентации декабристского движения в периодической печати получила развитие в ряде специализированных работ. Е. Б. Васильева в диссертационном исследовании «Образ декабриста в русской журнальной прессе во второй половине XIX — начале XX вв.» [См.: Васильева, 2005] проанализировала эволюцию образа декабриста в либеральной и консервативной журналистике, показав, как различные идеологические течения использовали декабристскую тематику для конструирования собственных политических нарративов. Современные подходы к изучению декабристской темы в медиапространстве представлены в работе Д. И. Булдаковой «190-летие восстания декабристов в российских СМИ» [См.: Булдакова, 2023], где автор исследует механизмы актуализации исторической памяти и способы медийной репрезентации юбилейных событий. Документальное наследие британских корреспондентов в России, их роль в освещении российских событий для западной аудитории стали предметом диссертационного исследования Н. В. Банниковой «Журналисты британской газеты «Таймс» в России (середина XIX – начало XX вв.): историко-документальное наследие» [См.: Банникова, 2022], что открывает перспективы для компаративного анализа российского и британского газетного дискурса середины XIX века. Однако при всей глубине изучения внутрироссийского контекста и определенном внимании к общему международному значению декабризма, остается недостаточно исследованным специфический аспект восприятия событий 1825 года и

последующей амнистии декабристов в конкретных зарубежных обществах, в особенности в Великобритании. Интерес представляет реакция британского общественного мнения и прессы на эти события, происходившие на фоне недавнего завершения Крымской войны (1853-1856) [См.: Бобков, 2023]. Победа коалиции западноевропейских держав в этом конфликте не только выявила технологическую отсталость России, но и актуализировала дискуссии о ее социально-политическом устройстве в глазах просвещенной Европы. Анализ британской периодики того периода мог бы пролить свет на то, как коррелировали образ России-победительницы Наполеона и России, пережившей декабристский кризис, с образом России, потерпевшей поражение в Крыму и вынужденной к реформам, в восприятии одного из ключевых европейских акторов.

Эмпирическую базу исследования составили материалы периодической печати Российской империи и Великобритании за период с августа 1856 года (момент коронации Александра II и объявления амнистии) по конец 1857 года. Выбор данного хронологического отрезка обусловлен необходимостью проследить не только непосредственную реакцию на Манифест 26 августа 1856 года, но и последующую дискуссию о возвращении декабристов и их интеграции в общество.

В корпус источников со стороны российской прессы вошли ведущие официальные и полуофициальные издания, в частности «Московские ведомости», публиковавшие тексты манифестов и верноподданнические отклики. Британская пресса представлена влиятельными изданиями различных политических направлений: консервативными "The Times" и "The Morning Post", а также либеральными "The Daily News" и "The Manchester Guardian" (ныне "The Guardian"). Всего проанализировано более 30 публикаций, содержащих упоминания об амнистии, возвращении ссыльных и оценках внутренней политики Александра II.

Методологическую основу работы составил сравнительно-исторический метод, позволивший выявить общее и особенное в репрезентации амнистии двумя национальными медиасистемами. Для анализа текстов применялись методы контент-анализа (для выделения ключевых тем: «милосердие», «справедливость», «имущественные права») и критического дискурс-анализа, направленного на выявление скрытых идеологических установок изданий.

Российская пресса: риторика милосердия и национального примирения

Смерть Николая I послужила точкой в окончании изматывающей войны и закрыла одну главу в странице истории России и послужила началом следующей – эпохи великих реформ под руководством царя Александра II. В противовес своему предшественнику, новый император направил курс на реформирование страны. Одним из первых шагов к переменам стала амнистия участников восстания 1825 года и возвращение им титулов [См.: Бочанова, 2021, с. 100-105, 2021, с. 86-91].

Амнистия декабристам была объявлена в коронационном манифесте Александра II 26 августа 1856 года. Этот документ был опубликован в «Московских ведомостях» 28 августа, а затем вышел в других изданиях: в «Русском вестнике», «Сенатских ведомостях» и других.

«Подвергшимся разным за политические преступления наказаниям и донныне ещё не получившим прощения, но по изъявленному ими раскаянию и безукоризненному после произнесения над ними приговора поведению заслуживающим помилования, даровать на основании особых для того поставленных правил... <...> Тем [...] которые были подвергнуты наказанию по приговору Верховного уголовного суда 13 июля 1826 г. и

мнению Государственного совета 24 февраля 1829 г. и на основании постановлений Военно-Судных комиссий по прикосновенности к замыслам и действиям тайных обществ, открытых в 1825 и 1827 г. и к бывшему в 1831 г. возмущению в Польше, а дотоле принадлежали к дворянству потомственному, даровать вместе с законными после произнесения над ними приговора рождёнными детьми, все права потомственного дворянства, только без права на прежнее имущество», — говорилось в тексте манифеста от 26 августа 1856 года^[1].

Это событие вызвало немалое количество размышлений в российском обществе того времени. Действия короны очень обрадовали общество и внушили надежду на то, что после тяжёлых событий войны начнутся изменения не на словах, а на деле. Подробное изучение манифеста в социальном и историческом аспектах проработаны в работе Н. Н. Виноградова «Коронационный манифест Александра II: документ и исторический источник» [См.: Виноградова, 2015, с. 34-42].

Анализ материалов «Московских ведомостей» показывает, что российская печать конструировала образ амнистии исключительно как акт монаршего «сердечного милосердия». В официальном дискурсе отсутствовала тема «прав» или «справедливости» по отношению к бывшим мятежникам. Ключевой акцент делался на сакральном характере коронации, в лучах которой прощаются старые грехи. Важно отметить, что условием помилования (согласно пункту XV Манифеста от 26 августа 1856 года) называлось «раскаяние» и «безукоризненное поведение», что подчеркивало патерналистский характер отношений между царем и подданными. Пресса формировала нарратив «возвращения блудных сыновей», где фигура Александра II представала в роли милосердного отца, дарующего прощение, но не реабилитацию политических идей декабризма.

Британская пресса: прагматизм и вопросы собственности

Успех в войне способствовал закреплению в британском обществе представления о ее национальном превосходстве. В то же время смена политического курса в России стала предметом активного обсуждения в Великобритании. Раннее и лаконичное отражение этого нашло место в заметке лондонской газеты "The Guardian" от 12 сентября 1856 года:

«Санкт-петербургское бюро, в депеше сообщает, что Император издал манифест по случаю своей коронации. ... Амнистия распространяется на лиц, участвовавших в событиях 1825, 1827 и 1831 года. Конфискация их имущества, однако, будет сохранена...»^[2].

В дальнейшем тема не слишком активно освещалась в английской прессе – в начале сентября было несколько коротких сводок в основных газетах Великобритании. Основное внимание привлекала готовящаяся коронация Александра II, в рамках которой эти события и освещались. Так, "The Guardian" только в номере от 15 сентября прокомментировала свою более раннюю заметку:

«В телеграфном сообщении из Москвы сообщается, что император отпраздновал свою коронацию объявлением о всеобщей амнистии. Условия пока неизвестны, за исключением того важного факта, что конфискованное имущество препятствует возвращению осужденных, не имеющих дома и других средств к существованию. Правда, часть этого имущества в своё время была продана и передана в дар вторым и третьим лицам, и было бы чрезвычайно трудно интегрировать их (декабристов) обратно в

общество. В какой-то мере несправедливо портить жизнь нынешним владельцам, которые получили право собственности. В то же время это просто насмешка или глупость - приглашать обездоленных бывших владельцев вернуться в нищету»^[3].

Статья фиксирует сам факт объявления императором «всеобщей амнистии» в честь коронации, что соответствует данным российских источников о подписании Манифеста 26 августа 1856 года, даровавшего помилование осужденным по политическим делам, включая декабристов, петрашевцев и участников польского восстания 1830-1831 гг. Однако основной акцент британского издания сделан не на символическом жесте, а на его практических противоречиях, прежде всего связанных с вопросом конфискованного имущества, что оставалось за рамками официальной российской пропаганды, которая прославляла милосердие монарха.

Ключевым предметом критики "The Guardian" выступает неразрешимость имущественного вопроса. Издание точно указывает на фундаментальное препятствие для реальной реинтеграции амнистированных: отсутствие у многих «дома и других средств к существованию» вследствие конфискации их собственности. Автор материала подчеркивает, что значительная часть конфискованных имений была «продана и передана в дар вторым и третьим лицам», создав слой новых владельцев, чьи права, с точки зрения закона, выглядели бесспорными. Это наблюдение коррелирует с исследованиями механизмов конфискации в Российской империи, где имущество осужденных по государственным преступлениям часто распродавалось на торгах или передавалось в казенное управление, делая его физический возврат прежним владельцам практически невозможным без нарушения сложившегося правопорядка и ущерба для новых собственников. Издание указывает на эту дилемму: с одной стороны, «несправедливо портить жизнь нынешним владельцам»^[4], с другой — абсурдно «приглашать обездоленных бывших владельцев вернуться в нищету». Эта острая формулировка — «просто насмешка или глупость» — выражает глубокий скепсис издания в отношении эффективности и продуманности амнистии как инструмента реального примирения и восстановления справедливости. Тон статьи указывает на восприятие амнистии скорее как пропагандистского акта, нежели продуманной социальной меры.

В середине сентября произошло событие, давшее странам-победительницам повод пересмотреть своё отношение к поверженному оппоненту — коронация Александра II. 17-го Сентября в "The Guardian" вышел репортаж, описывающий те события — "The Coronation of the emperor". Он занял три полосы. В нём детально были описаны подготовительные процедуры, настроения людей, церемония, масштаб событий: «... Достаточно сказать, что город сиял огнями, что улицы были запружены до удушья, что экипажи не могли проехать по магистралям, что жара, пыль и дым были невыносимы и что английское посольство было очень хорошо освещено. Царь ознаменовал день своей коронации изданием важнейшего указа, который содержит амнистию и закладывает основу для великих реформ».

Описание феерического освещения города, удушающей толпы на улицах, транспортного коллапса и экстремальных физических условий («жара, пыль и дым были невыносимы») создает образ хаотичного, почти апокалиптического празднества. Эта картина контрастирует с парадными официальными отчетами, такими как роскошное «Описание священного коронования...»^[5], которое является одним из роскошных и редких иллюстрированных изданий середины XIX века. Всего было отпечатано 200 экземпляров, предназначавшимся в качестве подарка высшим сановникам и иностранным гостям,

участвовавшим в торжествах по случаю коронации императора Александра II и императрицы Марии Александровны. В альбоме было 52 цветные и черно-белых иллюстрации (из них 33 в тексте и 19 — на отдельных листах), исполненных на дереве, стали и на камне.

Упоминание о том, что «английское посольство было очень хорошо освещено», напоминает о том, что иностранные дипломаты внимательно наблюдали за внутрисполитическими процессами России в послевоенный период, что соответствует исследованиям о восприятии России британскими элитами после Крымской войны.

Ключевой тезис содержится в финальной части цитаты: указание на то, что император «ознаменовал день своей коронации изданием важнейшего указа, который содержит амнистию и закладывает основу для великих реформ». Эта формулировка отражает понимание британской прессой символической связи между коронацией и началом преобразовательной эпохи. "The Guardian" точно идентифицирует Манифест 26 августа 1856 года как документ двойного действия: с одной стороны, он даровал амнистию политическим ссыльным (декабристам, петрашевцам, участникам польского восстания), с другой — провозглашал курс на системные изменения, став прологом к отмене крепостного права и другим «Великим реформам». Употребление термина «закладывает основу» ("lays the foundation") свидетельствует о проницательности журналистов, уловивших программный характер манифеста, что подтверждается современными историками, рассматривающими коронационные акты Александра II как старт модернизационного проекта [См.: Воронин, 2025, с. 279-282; Анпилогова, 2024, с. 6-10]

«В нем содержатся следующие пункты: - гражданских и военных наградить медалями, кто прямо или косвенно участвовал в войне. Свобода от военной службы в течение четырёх лет на территории всей империи. Наиболее справедливое распределение подушного налога. Император объявляет амнистию политическим преступникам 1826 и 1831 годов. Все жители империи были освобождены от специального набора в армию, которое все ещё угнетало их. Дети солдат, которые были воспитаны государством и как таковые до сих пор входили в состав армии, в которой они были обязаны служить в качестве солдат, все они зарегистрированы в соответствии с законодательством» [The Guardian from London, Monday, September 15, 1856, p. 2].

"The Guardian" демонстрирует, что британская пресса воспринимала коронацию Александра II не только как церемониальное событие, но и как программную декларацию, сочетавшую популистские меры (награды, отсрочка) с фундаментальными шагами по реформированию государства (амнистия, изменения в рекрутской повинности и статусе кантонистов), хотя ироничный контекст публикации (предшествующий описанию хаоса в Москве) и отсутствие деталей реализации указывают на скептическое отношение издания к эффективности этих преобразований в условиях российской действительности.

Примечательным аспектом в освещении коронационных торжеств британской прессой стало подчеркивание неожиданно благожелательного отношения российских властей к журналистам, включая представителей недавних стран-противников. Корреспондент "The Times" особо отмечал этот парадоксальный сдвиг:

«Император, конечно, знает, что здесь есть такие существа, как газетные корреспонденты, но он не только не недоволен этим фактом, и, действительно, если бы он был недоволен, то здесь не было бы нас, но и с удовольствием выразил пожелание, чтобы им были предоставлены все возможные удобства, и князь Горчаков отнёсся к их появлению благосклонно»^[6].

Эта цитата из "The Times" демонстрирует осознанный жест «управляемой открытости» со стороны российских властей в период коронации Александра II. Ироничное упоминание о корреспондентах как «существах» подчеркивает необычность благожелательного приема, особенно для прессы недавних врагов. Подчеркивание личной заинтересованности Императора («с удовольствием выразил пожелание») и благосклонности канцлера А. М. Горчакова указывает на санкционированность этой политики на высшем уровне. Фраза о зависимости присутствия журналистов от воли монарха («если бы он был недоволен... не было бы нас») обнажает её инструментальный характер. Таким образом, цитата раскрывает тактику использования «мягкой силы»: создание комфортных условий для иностранной прессы трактуется как прагматичная попытка формирования позитивного международного имиджа России в критический поствоенный период, что встретило сдержанно-скептическую оценку британского издания.

В следующем номере "The Guardian" от 20 сентября говорится уже об отношении французской прессы к новому императору и его действиям:

«Во всех описаниях церемоний коронации в Москве, которые приведены в официальной французской прессе, вы можете заметить, какой уважительный тон царит по отношению к России: и Конституционный суд, ссылаясь на неё (коронацию), использует выражения, которые должны быть в высшей степени приятны царю и его двору.

«Только что прозвучавшие осуждения были высказаны, - говорится в нем, - в связи с варварством, которое разразилось после смерти Александра I и в пресечении, которого император Николай проявил силу, - которая не ослабевала за все его тридцать лет правления»^[7].

Цитированный отрывок из "The Guardian" (20 сентября 1856 г.) раскрывает контраст в восприятии России европейской прессой после Крымской войны. Описывая «уважительный тон» ("deferential in tone") официальной французской прессы в освещении коронации Александра II, автор подчёркивает её стремление к дипломатическому сближению с Россией. Ключевым является упоминание «варварства, разразившегося после смерти Александра I» — завуалированная отсылка к восстанию декабристов 1825 года. Французские издания не только оправдывали жестокое подавление восстания Николаем I («проявил силу, которая не ослабевала»), но и преподносили его как мудрость, легитимируя преемственность власти нового императора. Этот нарратив, вероятно санкционированный правительством Наполеона III, игнорировал суть декабристских идей (отмена крепостного права, конституция) и служил инструментом внешнеполитического прагматизма Франции, искавшей противовес Британии.

Реакция "The Guardian" на эту «угодливость» ("gratifying") французов отражает скепсис британской прессы в оценке либеральных жестов Александра II, включая амнистию 1856 года. Парадоксально, что амнистия — символический акт милосердия к жертвам николаевских репрессий — использовалась европейскими изданиями для реабилитации жесткого режима. Прославление Николая I как борца с «варварством» декабристов обесценивало суть их борьбы и сводило амнистию к инструменту укрепления консервативной преемственности, а не к знаку реальных перемен. Это консервировало в общественном сознании миф о декабристах как «бунтовщиках», что объясняет скудное обсуждение амнистии в самой России и её ограниченный характер.

Несмотря на снижение внимания к теме декабристов после коронационных событий,

британская пресса продолжала фиксировать отдельные публикации, отражавшие эволюцию общественных настроений в России. Особый интерес вызвала беспрецедентная инициатива императорского дома по легализации исторической памяти о 1825 годе. Как отмечала "Daily News" 29 октября 1857 года, решение Александра II обнародовать ранее секретную хронику восстания стало неожиданностью: «В письме из Санкт-Петербурга говорится, что недавняя кончина императора Николая I, стала неожиданностью. Когда Александр II стал наследным принцем, ему пришла в голову идея написать подлинную историю событий, которые сопровождали восшествие на престол 26 декабря 1825 года его отца императора Николая, и с согласия Императора, барону Де Корфу было поручено составить эту историю. В его распоряжении были не только официальные документы, хранящиеся в секретных архивах, но и автобиографии, написанные покойным императором для своей семьи; а также дневник императрицы-наследницы; бумаги покойных великих князей Константина и Михаила, братьев императора; частные письма других лиц членов императорской семьи и письменные свидетельства очевидцев событий 26 декабря 1825 года. Можно вспомнить, что император Александр II помиловал лидеров этого заговора, которые были пожизненно сосланы в Сибирь. Только двадцать пять экземпляров этого труда были напечатаны для членов Императорской семьи и хранились в тайне; но теперь император решил поделиться секретом со своим народом и приказал опубликовать этот любопытный труд, который Императорская библиотека продаёт по два рубля за штуку!»^[8].

Репортаж раскрывает несколько значимых аспектов. Упоминание о «двадцати пяти экземплярах для членов Императорской семьи» подчеркивает изначально закрытый характер нарратива, сконструированного бароном М. А. Корфом на основе личных архивов Николая I и великих князей. Публикация этого труда спустя два года после амнистии 1856 года представляла собой тонкий инструмент легитимации власти: режим демонстрировал «милость» к живым декабристам, одновременно канонизируя версию их поражения как торжества «твёрдой воли» династии. Коммерческая реализация книги через Императорскую библиотеку (по цене, эквивалентной недельному заработку чиновника) символизировала контролируруемую демократизацию исторического знания — факт, особо отмеченный британским корреспондентом как парадокс («продаёт по два рубля за штуку!»).

Спустя год в западной прессе сформировался контрастный образ правления Николая I и Александра II, где восстание 1825 года служило ключевым маркером. "The Guardian" в 1858 году, сопоставляя характеры отца и сына, акцентировала:

«Новый император уже вступил в средний период жизни (в апреле ему исполнится сорок лет) - период, когда характер полностью формируется. Задолго до того, как ему исполнилось сорок, фактически до того, как ему исполнилось тридцать, покойный император Николай проявлял сильную волю и твёрдую решимость, ибо следует помнить, что именно в декабре 1825 года, когда ему было всего двадцать девять лет, покойный император проявил ту энергию и упорство, которые впоследствии стали определяющими в его жизни, переросли в какое-то неразумное упрямство. Император Александр, однако, отличается от своего отца как умом, так и нравственным складом, равно как и физической организацией; и если бы его, Николая, характер был, как сейчас у Александра, если бы он был менее суров и непреклонен, если бы он был менее подвержен порывам страсти и своеволию, это было бы лучше и для самого Николая, и для его подданных»^[9].

Здесь декабристское восстание используется как историческая призма для оценки

стилей государственного управления. Упоминание «энергии и упорства» 29-летнего Николая во время кризиса 1825 года — реминисценция официозного мифа, однако британский журналист переосмысливает его: «неразумное упрямство» позднего николаевского правления противопоставляется гибкости Александра II. Важно, что критика подана опосредованно — через допущение («если бы его характер был...»), что отражает осторожность журналиста в суждениях о действующем монархе. Отсылки к образу жизни («нравственный склад», «физическая организация») характерны для антропологизированного дискурса эпохи, где телесность символизировала политическую культуру.

Александр II мастерски интегрировал нарратив об амнистии декабристов в стратегию внешнеполитического позиционирования. Создавая образ «Царя-реформатора», монарх использовал историю 1825 года как доказательство трансформации России: от технологически и социально отсталой империи к государству, предпочитающему мирные реформы «во всех слоях общества» (в отличие от точечных изменений предшественников). Эта концепция намеренно культивировалась для европейской аудитории, где декабристы к 1860-м годам стали архетипом борьбы за свободу. Показательно, что британские журналисты переносили данный образ на другие национально-освободительные движения, как видно из письма итальянского депутата в "Daily News" (9 сентября 1862):

«... Я могу понять, что комендант Раттацци, чтобы избавиться от моего назойливого присутствия в палате, возможно, захочет нарушить в отношении меня парламентские гарантии, данные моим коллегам и друзьям, депутатам Мордини и Фабрици, однако я отказываю ему и его адвокатам в возбуждении уголовного дела против меня, ...» что не окажутся, по крайней мере, такими неуклюжими и необоснованными, как те, что были предприняты против полковника Ачерби. В любом случае я останусь на своём посту, готовый бороться всеми законными средствами и раскрыть нации **декабристские** замыслы и деяния антинационального правительства. Поверь мне, Кейси.

Ф. Чисет, депутат парламента»^[10].

Данный фрагмент представляет собой ценный историко-журналистский источник, демонстрирующий механизмы политической риторики и инструментализации исторических параллелей в общественной дискуссии. Письмо депутата Франческо Чисета является образцом использования прессы для борьбы с политическими оппонентами. Автор искусно конструирует нарратив преследования, сравнивая потенциальные действия против себя («нарушение парламентских гарантий») с делом полковника Ачерби, которое он характеризует как «неуклюжие и необоснованные» репрессии. Эта аналогия служит не только защитной стратегией, но и попыткой дискредитации власти через апелляцию к общественному чувству справедливости.

Особый интерес для исследователя журналистики представляет заключительная часть цитаты: «...готовый бороться всеми законными средствами и раскрыть нации декабристские замыслы и деяния антинационального правительства». Здесь Чисет совершает знаковую семантическую операцию: переносит русский исторический концепт «декабристских замыслов» (символа борьбы с авторитаризмом) на итальянский политический контекст периода Рисорджименто [См.: Saidov, 2021]. Употребление термина «антинациональное правительство» дополнительно усиливает манипулятивный эффект — оно маркирует оппонентов как предателей национальных интересов, что характерно для популистской риторики.

В отличие от российской периодики, английские газеты, приветствуя гуманный шаг Александра II, смещали фокус внимания на практические и правовые аспекты амнистии. Для британского читателя, воспитанного в традиции неприкосновенности частной собственности, ключевым становился вопрос: будет ли возвращено декабристам их имущество и титулы? Издания «The Times» и «The Daily News» рассматривали амнистию не как сакральный жест, а как политический сигнал, свидетельствующий о либерализации режима и отходе от жесткого курса Николая I. Британские обозреватели часто интерпретировали возвращение дворян из Сибири как попытку нового императора заручиться поддержкой элиты для проведения будущих реформ. В публикациях подчеркивалось, что без полного восстановления в имущественных правах (чего Манифест не гарантировал в полной мере) «социальная смерть» ссыльных не может считаться полностью преодоленной.

Заключение

Возвращение декабристов из сибирских ссылок не просто знаменовало волну общественного сочувствия и переосмысления прошлого – оно стало катализатором для разговоров об основательных реформах в Российской империи. Те события наглядно продемонстрировали, как идеи правосудия и человеческой справедливости, выходя далеко за национальные рамки, формировали общий европейский контекст устремлений к демократии и праву.

Английская и российская пресса, каждая, по-своему освещая возвращение декабристов, играли ключевую роль в формировании общественного мнения, которое, в свою очередь, оказало давление на правительственные институты. Если в британских изданиях акцент делался на отстаивание либеральных идеалов, открытости новой страны и смене политического курса, то в России внимание сосредотачивалось на открытии пути к примирению и национальному возрождению через реформы. Подобное освещение подчёркивало идею о необходимости изменений в самом основании правовой системы России, осознание которой пришло только после многолетних дебатов и размышлений.

Возвращение участников декабристского движения из сибирской ссылки в 1856-1860-х годах представляло собой событие, выходящее за рамки простого акта милосердия. Оно стало мощным импульсом для формирования общественных настроений, характеризующихся глубоким сочувствием к жертвам политических репрессий и критическим переосмыслением николаевской эпохи. Этот процесс способствовал кристаллизации в общественном сознании идеи о неотложности системных преобразований в Российской империи. Их судьба наглядно демонстрировала проникновение и устойчивость идеалов правосудия и социальной справедливости, которые, несмотря на государственные барьеры, находили отклик в рамках общеевропейского движения к установлению правовых норм и демократических институтов.

Роль прессы, как российской, так и зарубежной, в осмыслении данного феномена не переоценить. Английские периодические издания, такие как «The Times», «The Guardian» и «The Daily News», интерпретировали возвращение декабристов сквозь призму торжества либеральных принципов, видя в нем признак будущих изменений самодержавной системы в сторону большей открытости и потенциального пересмотра внутреннего политического курса. Российская же журналистика, действовавшая в условиях цензурных ограничений, фокусировалась преимущественно на аспектах национального примирения и возрождения через грядущие преобразования. Подобная трактовка, характерная для ряда изданий эпохи «Великих реформ», подспудно

акцентировала необходимость фундаментальных изменений в российской правовой системе.

Подводя итог, можно констатировать фундаментальное различие в медийном освещении амнистии. Если российская пресса выполняла функцию идеологического транслятора, закрепляя за Александром II образ «Царя-Освободителя» через категории христианского прощения, то английская пресса выступала в роли внешнего наблюдателя-прагматика. Для британских журналистов амнистия стала индикатором готовности России к диалогу с Европой и внутренней модернизации. Таким образом, одно и то же историческое событие было вписано в два различных контекста: внутрirosсийский (сакрально-монархический) и европейский (либерально-правовой).

[1] Московские ведомости, 1856, № 103, 28 авг., с. 1

[2] Цит.: The Guardian from London, Greater London, England, 12 September, 1856, p. 5

[3] Цит.: The Guardian. 1856. 12 Sept. p. 4

[4] The Guardian. 1856. 12 Sept. p. 4

[5] Описание священного коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Александра II и Государыни Императрицы Марии Александровны всея России, 1856

[6] The Times from London, Friday, September 19, 1856, p. 7

[7] The Guardian from London, Saturday, September 20, 1856, p. 4

[8] Daily News from London, Saturday, August 29, 1857, p. 5

[9] The Morning Post from London, Friday, January 1, 1858, p. 4

[10] Daily News Post from London, Tuesday, September 9, 1862, p. 5

Библиография

1. Полунов, А. Россия в девятнадцатом веке: автократия, реформы и социальные изменения 1814–1914 / А. Полунов. – 2005. – 304 с.
2. Саидов, Д. Ш. Рисорджименто: процесс объединения Италии в XIX веке / Д. Ш. Саидов // Молодой ученый. – 2021. – № 49(391). – С. 66-68. – EDN PAMHKD.
3. Rabow-Edling, S. The Decembrists and the Concept of a Civic Nation / S. Rabow-Edling // Nationalities Papers. – 2007. – Vol. 35, No. 2. – P. 369-391.
4. Александр II. Манифест о всемилостивейшем даровании народу милостей и облегчений по случаю коронования Его Императорского Величества: Указ Правительствующему Сенату // Московские ведомости. – 1856. – № 103. – 28 авг. – С. 1.
5. Анпилогова, Т. Ю. Амнистия декабристам 1856 г.: политическое решение или акт государственного милосердия? / Т. Ю. Анпилогова // Проблемы права: теория и практика. – 2024. – № 67. – С. 6-10. – EDN AKBBIA.
6. Бобков, М. Ю. Освещение Крымской войны в газете "The Times" (ноябрь-декабрь 1853 г.) / М. Ю. Бобков // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2023. – № 10. – С. 45-53. – DOI: 10.28995/2686-7249-2023-10-45-53. – EDN FTKIUP.
7. Бочанова, Т. А. Правовой режим сибирской ссылки декабристов / Т. А. Бочанова //

Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2021. – № 2(8). – С. 100-105. – EDN WVXERZ.

8. Бочанова, Т. А. Правовой статус жен и детей ссыльных декабристов / Т. А. Бочанова // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2021. – № 4(10). – С. 86-91. – EDN CAIWIG.

9. Виноградова, Н. Н. Коронационный манифест Александра II: документ и исторический источник / Н. Н. Виноградова // Документ, источник, текст: горизонты современных исследований: сборник научных трудов, Нижний Новгород, 20 ноября 2014 года / Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, Кафедра "Методология, история и философия науки". – Нижний Новгород: Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, 2015. – С. 34-42. – EDN UNVNTD.

10. Воронин, В. Е. Первые манифесты эпохи реформ: окончание Крымской войны и преобразовательные замыслы Александра II (1856 г.) / В. Е. Воронин // Власть. – 2025. – Т. 33, № 1. – С. 279-282. – DOI: 10.24412/2071-5358-2025-1-279-282. – EDN UVPZVO.

11. Готовцева, А. Г. ""Словом милости как Божьей благодатью": амнистия декабристам в Российской периодической печати и общественном сознании" // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2016. – № 4(13). – С. 9-23.

12. Киянская, О. И. "Декабристы в отечественной истории и историографии: полемические заметки" // Россия и современный мир. – 2017. – № 2(95). – С. 42-56. EDN: ZAFNQZ.

13. Киянская, О. И. Декабристы и народ: к постановке проблемы / О. И. Киянская // Россия XXI. – 2009. – № 1. – С. 108-151. – EDN KLSCKN.

14. Киянская, О. И. "Империя упущенных возможностей. К истории общественных настроений в России конца 1810-начала 1820-х годов" // Россия и современный мир. – 2020. – № 2(107). – С. 6-49. – DOI: 10.31249/rsm/2020.02.01. – EDN JNMHZZ.

15. Панов, А. С. Восстание декабристов в репрезентациях американских современников / А. С. Панов // Революции и революционный дискурс в США, Москва, 11-12 мая 2017 года. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2019. – С. 124-135. – EDN NHLNRB.

16. Васильева, Е. Б. Образ декабриста в русской журнальной прессе во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Е. Б. Васильева. – М., 2005. – 250 с. – EDN NQBAQD.

17. Седов, А. Е. Политические взгляды декабристов / А. Е. Седов // Молодой ученый. – 2025. – № 11(562). – С. 264-267. – URL: <https://moluch.ru/archive/562/123411>. – EDN ENKGZU.

18. Банникова, Н. В. Журналисты британской газеты "Таймс" в России (середина XIX – начало XX вв.): историко-документальное наследие: дис. ... канд. наук / Н. В. Банникова. – 2022. – 223 с. – EDN TOFPCG.

19. Царьков, И. И. "Политическая история России XIX в.: декабристы и крепостное право" // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2020. – Т. 1, № 2(95). – С. 67-79.

20. Булдакова, Д. И. "190-летие восстания декабристов в российских СМИ" // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2023. – № 1(47). – С. 99-106. – EDN SUTDHI.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа посвящена исследованию репрезентации темы амнистии декабристов в российской и британской прессе. Автор анализирует специфику освещения события в ведущих изданиях, различия в оценках между российской и зарубежной прессой, механизмы конструирования смыслов вокруг амнистии в контексте послевоенной России (Крымская война) и европейской политики, роль прессы в формировании общественного мнения о реформах Александра II, его образа «Царя-реформатора» и исторической памяти о декабристах.

Методология исследования автором не обозначена. Можно предположить, что в работе использовались следующие методы: сравнение, сопоставление, анализ исторического контекста, дискурс-анализ, контент-анализ.

Эмпирическая база исследования автором не охарактеризована. Ее можно восстановить только из списка источников: «Московские ведомости», «The Guardian», «The Times», «Daily News», «The Morning Post», официальные документы. Кроме того, не ясно, за какой период исследовались публикации (только за 1856 и 1857 гг., или были проанализированы и более поздние материалы). Автор также не указывает количественную выборку эмпирического материала, что затрудняет верификацию выводов.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью освещения темы амнистии декабристов в британской прессе, значением темы для изучения международного образа России в XIX веке.

Научная новизна исследования заключается в систематическом сопоставлении российской и британской прессы по теме амнистии 1856 года, выявлении аспектов, рассматриваемых в публикациях (российская пресса делает акцент на милосердии императора, британская – на практических последствиях: вопрос имущества, социальная интеграция), демонстрации использования декабристского нарратива в европейской политической риторике.

Стиль работы соответствует научному. Структура работы представлена всего двумя разделами: Введение и Заключение. Однако в жанре научной статьи используется более развернутая структура, которая обычно представлена такими разделами, как Введение, Материал и методология исследования, Результаты и обсуждение (может быть разбит на подпункты), Заключение. В связи с тем, что структура работы не соответствует жанру научной статьи, сложно систематизировать аспекты репрезентации темы амнистии декабристов, структурировать наблюдения и умозаключения автора (какие доминантные темы выделяются, способы их объективации, ключевые акценты в освещении заявленной проблемы). Отметим также, что в работе встречаются опечатки в указании дат: «говорилось в тексте манифеста от 26 августа 1956 года», «стала амнистия участников восстания 1925 года».

Библиографический список включает фундаментальные научные труды по российской и зарубежной истории, а также первоисточники (газеты, манифесты, письма).

Автор не вступает в полемику с другими исследователями, дополняет и уточняет существующие позиции через новый эмпирический материал. Работа встраивается в научный диалог, не отрицая, а расширяя понимание проблемы.

Автор делает следующие выводы: во-первых, британская пресса фокусировалась на практических аспектах амнистии, российская – на символике милосердия и национального примирения. Во-вторых, амнистия стала инструментом внутренней и внешней политики Александра II: через СМИ в общественном сознании формировался образ «Царя-реформатора». В-третьих, пресса играла ключевую роль в конструировании смыслов вокруг реформ, влияя на общественное мнение и международные оценки. В-

четвертых, «возвращение декабристов из сибирских ссылок не просто знаменовало волну общественного сочувствия и переосмысления прошлого – оно стало катализатором для разговоров об основательных реформах в Российской империи». Статья будет интересна историкам, политологам, филологам, теоретикам журналистики. Статья представляет собой ценное междисциплинарное исследование, сочетающее историческую глубину, анализ медийных практик и исторического контекста. Однако статья нуждается в доработке (уточнение структуры, методологии и материалов исследования, систематизации умозаключений автора). Рекомендуется доработать статью, после чего она может быть опубликована в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Амнистия декабристов 1856 г. в освещении российской и английской газетной прессы» представляет собой образец масштабного и глубокого исследования.

Актуальность работы может показаться неочевидной на первый взгляд, однако работы, посвященные таким глобальным вехам в истории государства всегда остаются актуальными. Восстание декабристов было одним из важнейших исторических событий 19 века, как справедливо отмечает автор статьи оно стало «мощным катализатором общественной рефлексии о необходимости коренных преобразований». Не менее важную роль в общественно-политической жизни страны сыграло и возвращение уцелевших участников движения из сибирской ссылки в середине 1850-х годов, поскольку оно справедливо воспринималось современниками как предвестие грядущих социально-политических сдвигов.

Безусловно события такого масштаба неоднократно привлекали внимание специалистов из различных научных сфер – историков, политологов, социологов, филологов, однако автору удалось найти малоизученный аспект исследуемой проблемы, обеспечивший исследованию новизну. Это особенности восприятия событий 1825 года и последующей амнистии декабристов в конкретных зарубежных обществах, в особенности в Великобритании.

Объектом исследования является амнистия декабристов 1856 г., а его предметом – специфика освещения ключевых тем данного события («милосердие», «справедливость», «имущественные права») в российской и британской прессе.

Эмпирическую базу исследования составили материалы периодической печати Российской империи («Московские ведомости»), и Великобритании ("The Times", "The Morning Post", "The Daily News", "The Manchester Guardian") за период с августа 1856 года по конец 1857 года. Общее число проанализированных публикаций – 30.

Методология исследования является комплексной и включает в себя методы нескольких лингвистических парадигм – сравнительно-исторический метод, являющийся самым первым методом в истории лингвистики, а также методы контент-анализа и критического

дискурс-анализа, появившиеся в рамках коммуникативно-дискурсивной парадигмы лингвистики. Подобное сочетание методов отвечает современным требованиям к научным исследованиям, опирающимся на междисциплинарность и комплексность.

Статья соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению научных работ такого рода. Во введении определяется актуальность, новизна, цель, задачи, объект и предмет исследования. Обращает на себя внимание тщательный анализ работ, составивших теоретическую базу исследования. Автор анализирует 18 работ, написанных за последние 10 лет, что придает исследованию теоретическую значимость и, несомненно, большую достоверность. В основной части работы рассматриваются особенности освещения амнистии декабристов в российской и британской прессе. Автор убедительно доказывает на многочисленных примерах, что в российской прессе доминирует риторика милосердия и национального примирения, в то время как в британской прессе акцент делается на вопросах собственности и других практических и правовых вопросах.

Основными выводами, к которым приходит автор статьи, являются фундаментальное различие в медийном освещении амнистии. Российская пресса, подвергаясь цензуре, выполняла функцию идеологического транслятора, закрепляя за Александром II образ «Царя-Освободителя» через категории христианского прощения. Либеральная английская пресса выступала в роли внешнего наблюдателя, справедливо отмечавшего отрицательные стороны проведенной амнистии. Главным результатом исследования является, как представляется, предложенная автором аналитическая модель для изучения взаимодействия власти, прессы и исторической памяти в условиях политических трансформаций.

Библиография включает в себя российские и британские периодические издания 19 века, исследования, посвященные анализу различных аспектов восстания декабристов и их возвращения, влиянию этих процессов на общественно-политическую ситуацию и исторический процесс. Большая часть источников современна, что подчеркивает актуальность рассматриваемой в статье проблемы.

Теоретическая ценность данной работы определяется ее вкладом в исследование истории декабристов и эпохи реформ, дальнейшим расширением использования методологии медиа-истории и дискурс-анализа для реконструкции смыслов, передаваемых в разных политических культурах.

Данное исследование может заинтересовать специалистов в области истории, политологии, дискурс-анализа, исследования средств массовой информации.